

ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Синявская О.В., к.э.н., заместитель директора НИСП

В 2008–2011 гг. в пенсионную систему были направлены значительные бюджетные средства, позволившие обеспечить беспрецедентный в новейшей истории России рост пенсий. Тем не менее, общественное восприятие старости изменилось мало — она по-прежнему ассоциируется с бедностью и уязвимостью. В статье предпринята попытка объяснить этот парадокс с использованием данных статистики и выборочных обследований населения. Анализируются успехи пенсионной политики последних лет с точки зрения ее влияния на материально-имущественное положение пенсионеров и их семей, а также ограничения этой политики, лежащие как внутри, так и за пределами пенсионной системы.

ВВЕДЕНИЕ

Бедны ли российские пенсионеры? Общественное мнение на этот вопрос дает однозначно утвердительный ответ. В подтверждение такой позиции говорят о том, что на пенсию разве что за квартиру заплатишь, приводят примеры плохо одетых и покупающих лишь самые необходимые и самые дешевые продукты старушек. Противопоставляют нищих российских пенсионеров, никуда дальше садового участка не выезжающих, и обеспеченных, лошенных, активно путешествующих по миру пенсионеров западных стран. Подобная картина общественного восприятия положения пенсионеров остается практически неизменной, несмотря на реализованное в 2008–2010 гг. беспрецедентное повышение пенсий.

Ученые и статистики с этой точкой зрения спорят, и достаточно давно, приводя аргументы о более низких рисках бедности среди пенсионеров и семей с пенсионерами по сравнению с остальным населением, и особенно семьями с детьми¹. Более того, исследования межсемейных финансовых трансфертов (обменов товарами, продуктами и деньгами) свидетельствуют о том, что, как правило, они направлены от старших поколений к младшим, то есть от тех самых, казалось бы, бедных пенсионеров к их, вроде

¹ См., например: Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таган-рог» / под ред. Н.М. Римашевской. М., 2001. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / под ред. Т.М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.

бы, лучше обеспеченным детям и внукам [Денисенко, 1999; Иванова, 2003; Гладникова, 2007].

Автор данной статьи уже обращался к изучению вопросов бедности и уязвимости российских пенсионеров на страницах SPERO [Синявская, 2006; Пишняк и др., 2011]. В 2006 г. нас интересовало, каковы различные аспекты уязвимости пенсионеров и насколько однородна эта социальная группа по состоянию на начало пенсионной реформы. В 2011 г. предметом обсуждения стало то, выиграли или проиграли пенсионеры в период кризиса 2008–2010 гг. В данной статье мы продолжаем анализ материально-имущественного положения пенсионеров в последние годы, но ее фокус будет больше смещен на то, каковы результаты пенсионной политики 2008–2011 г., чего не удалось добиться и каковы пределы подобного повышения пенсий.

Вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ в настоящей статье, можно сформулировать следующим образом. В какой степени рост пенсий 2008–2011 гг. повлиял на динамику доходов пенсионеров, их риски иметь доходы ниже величины прожиточного минимума, их субъективные оценки достаточности доходов для жизни? Каково положение пенсионеров и их семей² относительно других социальных групп? И что мешает нам иметь такую же обеспеченную старость, как в наиболее развитых странах?

Для ответа на эти вопросы в статье используются данные статистики и микроданные различных волн панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенных Независимым институтом социальной политики (НИСП) в 2004–2011 гг. Поскольку фокус нашего внимания направлен на то, в какой степени бедность пенсионеров преодолевается за счет инструментов пенсионной системы, объектом анализа будут выступать получатели пенсий, независимо от возраста, а не только лица пенсионного возраста.

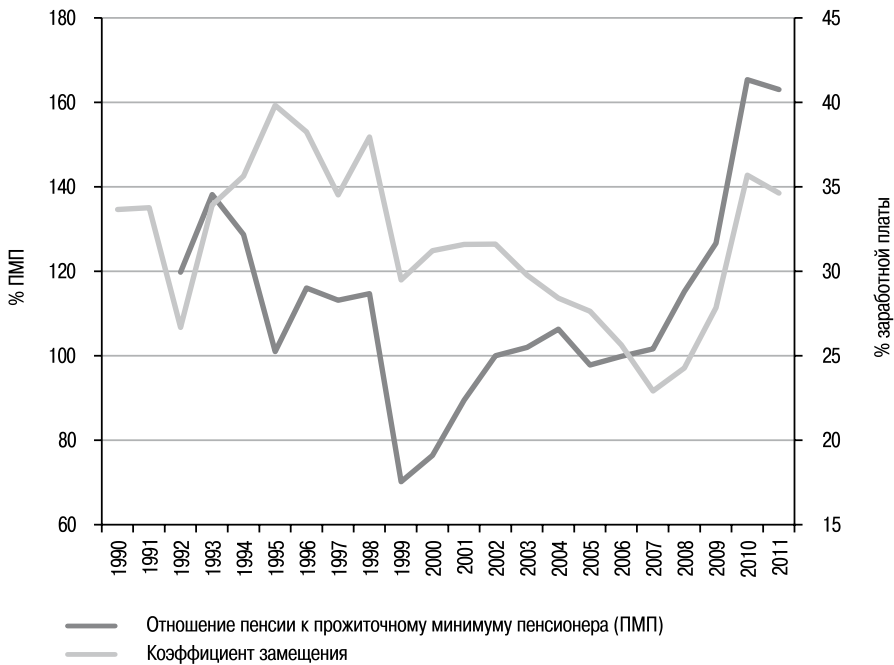
Статья организована следующим образом. Мы начинаем с анализа показателей динамики пенсии как основного параметра пенсионной системы с точки зрения населения и того, как рост пенсий последних лет отразился на величине доходов пенсионеров — личных и их домохозяйств. В следующем разделе речь пойдет о различных аспектах бедности семей с пенсионерами и их динамике за последние годы. Наконец, мы обсудим вопрос взаимосвязей пенсионной системы и рынка труда в контексте формирования благосостояния пенсионеров и связанные с этим ограничения по дальнейшему повышению уровня жизни пенсионеров.

ДИНАМИКА ПЕНСИЙ И ДОХОДОВ ПЕНСИОНЕРОВ

О материально-имущественном положении пенсионеров часто судят на основе данных об уровне пенсий, в том числе по отношению к показателям, характеризующим официальную черту бедности (прожиточному минимуму)

² В тексте данной статьи слова «семья» и «домохозяйство» используются в качестве синонимов.

Рисунок 1. Динамика отношения среднемесячной пенсии к среднемесячной заработной плате (коэффициент замещения) и прожиточному минимуму пенсионера, в среднем за год, процент

Источник: рассчитано по данным Росстата.

и доходы трудоспособного населения (заработной плате). В первом случае косвенно оценивается покупательная способность пенсии, во втором — то, в какой мере пенсия замещает утраченный заработок³. Отчасти оперирование этими показателями оправданно, поскольку государственная пенсия — ключевой параметр пенсионной системы — должна обеспечивать ее получателю, *по меньшей мере*, минимальные стандарты потребления, достаточные для того, чтобы человек, который не хочет или не может дополнять эту пенсию иными источниками доходов, сумел выжить. По возможности же, такая пенсия должна страховать человека от резкого падения доходов при переходе от занятости к неактивности на пенсии.

Данные *рисунка 1* с убедительностью свидетельствуют о том, что хотя в «нулевые» годы средняя пенсия и не опускалась ниже прожиточного минимума, как это было во второй половине 1990-х гг., но и оторваться от этой черты ей не удалось. Несмотря на то, что пенсии дифференцированы слабо,

³ В этом смысле корректнее, безусловно, было бы оценивать индивидуальный коэффициент замещения, характеризующий отношение назначенной пенсии к последнему заработку или заработку за всю трудовую карьеру. Или хотя бы вычислять отношение пенсии новых пенсионеров к нетто-заработку (т.е. тому, что получают работники на руки, за вычетом подоходного налога) лиц предпенсионных возрастов. Однако дискуссия о способах расчета коэффициентов замещения выходит за рамки настоящей статьи и, в отсутствие других доступных данных, в ней приводится традиционное используемое в России соотношение средней пенсии всех пенсионеров к средней по экономике начисленной заработной плате.

это означает, что определенная часть пенсионеров получала пенсию в размере ниже прожиточного минимума. Перелом в этой тенденции наступил в кризисный 2008 г., когда средняя пенсия превысила величину прожиточного минимума пенсионера (ПМП) на 15%, в 2009 г. — уже на 27%, а в 2010 г. — на 65%. По предварительным оценкам, в 2011 г. рост данного показателя остановился, и средняя пенсия составила порядка 163% ПМП.

Аналогично коэффициент замещения вырос со своего исторического минимума в 2007 г. на уровне 22,9% до 35,7% в 2010 г., но в 2011 г. показатель также пошел вниз, оставаясь, впрочем, на весьма высоком уровне. При этом росту коэффициента замещения в 2008–2010 гг. способствовали не только усилия правительства РФ по повышению пенсий, но и негативная динамика на рынке труда, вызванная кризисом.

Динамика обоих показателей в 2008–2010 гг. была поистине беспрецедентной для всего периода новейшей истории России. Повышение коэффициента замещения в первой половине 1990-х гг. происходило на фоне снижения отношения пенсии к ПМП и по сути отражало лишь тот факт, что пенсия снижалась медленнее заработной платы. Увеличение покупательной способности пенсии после кризиса 1998 г. происходило после ее драматического падения и соответственно с очень низких значений. При этом аналогичного роста коэффициента замещения не наблюдалось.

В реальном выражении пенсия в последние годы наконец превысила величину 1991 г. Если строить расчеты, опираясь на публикуемые Росстатом данные о реальном размере пенсии в процентах к предыдущему году, то в 2009 г. пенсия вплотную подобралась к уровню 1991 г., в 2010 г. превысила его уже на 32,9%, а в 2011 г. — на 34,5%. Альтернативные расчеты, основанные на также публикуемых Росстатом данных о номинальном размере пенсий и ежемесячном индексе потребительских цен, рисуют еще более благополучную картину: уровень 1991 г. был преодолен в 2008 г., и к 2011 г. реальная пенсия превышала этот уровень — по разным оценкам — на 67,3% — 84,5%⁴, то есть более чем в полтора раза.

Таким образом, если судить по этим показателям, то, во-первых, можно сделать вывод о заметном увеличении доходов пенсионеров от пенсии в последние годы. Во-вторых, с формальной точки зрения пенсионная система обеспечивает нынешним пенсионерам более высокий уровень жизни, чем в 1991 г.

Тем не менее, пенсия — хотя и основной, но не единственный источник доходов населения в пенсионных возрастах. По российскому законодательству пенсионеры имеют право работать, сохраняя возможность получать и заработную плату, и пенсию в полном объеме. Кроме того, многие пенсионеры имеют право на получение натуральных льгот или, начиная с 2005 г., ежемесячных денежных выплат (ЕДВ). Наконец, некоторая часть людей дополняет свои

⁴ Расхождения в оценках связаны с тем, что Росстат периодически пересчитывает основные макроэкономические показатели. И соответственно использование данных об индексе потребительских цен из различных сборников Росстата, опубликованных в разное время, может приводить к вариации в оценках.

Таблица 1. Распределение пенсионеров по 20-процентным (квintильным) группам по уровню личных доходов, процент по строке

Категория респондентов	Квintильные группы по уровню личных доходов				
	1 - нижние 20%	2	3	4	5 - верхние 20%
РидМиЖ-2004					
Все пенсионеры	15,1	40,3	21,3	14,8	8,5
в том числе:					
работающие пенсионеры	0,8	5,5	21,9	42,6	29,1
неработающие пенсионеры	20,6	53,5	21,0	4,3	0,7
РидМиЖ-2007					
Все пенсионеры	20,3	34,6	20,8	13,6	10,7
в том числе:					
работающие пенсионеры	2,7	5,8	19,2	36,0	36,4
неработающие пенсионеры	26,9	45,3	21,3	5,4	1,1
КПДХ-2010					
Все пенсионеры	15,6	31,4	25,0	16,2	11,7
в том числе:					
работающие пенсионеры	2,6*	3,3	18,8	38,2	37,2
неработающие пенсионеры	21,1	43,3	27,7	6,9	1,1*
РидМиЖ-2011					
Все пенсионеры	9,5	29,7	26,5	18,8	15,6
в том числе:					
работающие пенсионеры	1,8	6,2	20,7	37,8	33,6
неработающие пенсионеры	14,1	44,1	30,1	7,0	4,6
для справки - непенсионеры	24,5	14,6	16,9	22,1	21,9

Примечание. * число наблюдений менее 10.

Источник: данные обследований РидМиЖ 2004, 2007 и 2011 гг. и КПДХ-2010.

пенсии доходами от личных подсобных хозяйств, помощью родственников, доходами от сдачи в аренду недвижимости и пр.

В таблице 1 представлено распределение пенсионеров по 20-процентным (квintильным) группам по уровню личных доходов, полученное на пространственных репрезентативных данных четырех обследований — трех волн РидМиЖ (2004, 2007 и 2011 гг.) и обследования КПДХ, проведенного в 2010 г. на панели РидМиЖ, но с меньшим размером выборки. Сравнение оценок по этим четырем точкам показывает, что пенсии играют значительную роль в динамике личных доходов пенсионеров. В период с 2004 по 2007 гг., когда рост пенсии отставал от роста заработной платы, а средний размер пенсии устойчиво колебался вокруг ПМП, доля пенсионеров в нижней квintильной группе увеличилась. В последующие годы удельный вес пенсионеров с самыми низкими доходами последовательно снижался и, напротив, росло их представительство в 4-й и 5-й квintильных группах. И хотя больше всего пенсионеров по-прежнему оказывается во 2-й квintильной группе, в целом распределение по доходам в 2011 г. по сравнению с 2004 г. уже больше

смещено в сторону относительно высоких доходов. Вместе с тем даже в 2011 г. одной только пенсии по-прежнему недостаточно для того, чтобы пенсионер мог оказаться в составе двух наиболее высокодоходных групп населения; для этого требуется получать еще и зарплату.

Сопоставление того, как распределяются по уровню личных доходов пенсионеры и непенсионеры, показывает, что непенсионеры чаще представлены в крайних 20-процентных группах, тогда как пенсионеры сосредоточены посередине, а свыше 2/3 работающих пенсионеров — в двух верхних квинтильных группах.

То обстоятельство, что значительная часть российских пенсионеров проживает в сложных домохозяйствах вместе с непенсионерами и, возможно, детьми, заставляет в изучении благосостояния пенсионеров перейти от их личных доходов к душевым доходам домохозяйств. Среди факторов, влияющих на величину душевых доходов домохозяйств, типологизированных по наличию в них пенсионеров, важную роль играют: во-первых, удельный вес пенсии, во-вторых, наличие в домохозяйстве занятых и, наконец, детей. Доходы домохозяйств, имеющих в своем составе пенсионеров, в последние годы росли под влиянием пенсионной политики государства. Работающие пенсионеры приносят в домохозяйство и заработок, и пенсию, тем самым, обеспечивая более высокие душевые доходы. Присутствие детей снижает душевые доходы.

Распределение домохозяйств по величине среднедушевых доходов зависит от процедуры расчета этих доходов. Если мы просто делим доход домохозяйства на число его членов, как это принято в российских статистических и научных публикациях, мы по сути исходим из представления, что расходы домохозяйства растут пропорционально числу его членов. И, например, домохозяйство из двух человек будет иметь вдвое большие расходы, чем домохозяйство из одного человека при абсолютно одинаковой модели потребления. В реальности, конечно, это не вполне корректное допущение, поскольку есть расходы, которые более-менее постоянны для домохозяйств любого размера или растут меньшими темпами, чем прирастает домохозяйство (например, квартплата для двоих не вдвое больше, чем для одного). Сложность, однако, состоит в том, как определить экономию в потреблении от каждого дополнительного члена домохозяйства. Корректные оценки шкал эквивалентности, позволяющих учесть экономию от дополнительных членов домохозяйства разного возраста, должны базироваться на результатах регрессионного оценивания данных, получаемых из обследований потребления домохозяйств⁵. В трансформирующихся экономиках эти оценки должны периодически пересматриваться.

Вместе с тем, поскольку в данной работе мы не ставим целью глубокое и всестороннее изучение бедности российских домохозяйств, а лишь ис-

⁵ См., например: *Корчагина И.И.* Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. Финальный отчет по гранту НИСП. 2006 г. // Сайт Независимого института социальной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/grantprog/reports.shtml#r>, свободный.

Таблица 2. Распределение домохозяйств с пенсионерами по уровню душевых доходов, процент по строке

Тип домохозяйства	Квнтильные группы по уровню душевых доходов				
	1 - нижние 20%	2	3	4	5 - верхние 20%
Только пенсионеры	2,3	11,0	30,9	28,0	27,8
в том числе все пенсионеры не занятые	2,9	16,7	43,9	23,5	12,9
... есть работающие пенсионеры	1,3	1,9	10,1	35,1	51,7
Пенсионеры и другие	21,1	22,5	21,0	19,4	16,0
в том числе все пенсионеры не занятые	28,5	26,0	22,0	14,7	8,7
... есть работающие пенсионеры	9,5	17,1	19,5	26,6	27,3
Без пенсионеров	22,8	20,3	17,3	18,8	20,7

Примечание. Душевые доходы рассчитаны простым делением совокупного дохода домохозяйства на число его членов и скорректированы с учетом соотношения региональных и общероссийского прожиточных минимумов.

Источник: данные РИДМИЖ-2011.

пользуем различные подходы к измерению доходов и бедности домохозяйств для оценки результативности пенсионной политики последних лет, вполне возможно в качестве иллюстрации влияния эффекта экономии применить действующую шкалу эквивалентности, разработанную для стран-членов ОЭСР. В этой шкале потребление первого взрослого члена домохозяйства оценивается на уровне 100%, потребление каждого последующего взрослого (15 лет и старше) — на уровне 50% от потребления первого, а потребление каждого ребенка — на уровне 30% от потребления первого взрослого члена домохозяйства. Распределение домохозяйств разного типа по душевым доходам, посчитанным без использования шкал эквивалентности, представлено в *таблицах 2 и 3*, а использованием шкалы ОЭСР — в *таблице 3*.

Очевидно, что использование шкал эквивалентности увеличивает душевые доходы домохозяйств, состоящих из нескольких человек, что отражается в распределении домохозяйств (*табл. 3*). В частности, более скромными оказываются душевые доходы одиноких пенсионеров. Тем не менее принципиально картину оно не меняет: независимо от способа подсчета душевых доходов в 2011 г. семьи, состоящие только из пенсионеров, значительно реже имели доходы на уровне 1-го квинтиля и относительно чаще были представлены в домохозяйствах с доходами на уровне 3–4-го квинтилей.

При этом сравнение данных о душевых доходах, подсчитанных без применения шкал эквивалентности, за 2011 г. с данными 2007 и 2010 гг. показывает, что душевые доходы «чистых» домохозяйств пенсионеров заметно выросли: в 2007 г. эти домохозяйства концентрировались в основном во 2-м и 3-м квинтилях; в 2010 г. — преимущественно в 3-м и 4-м, тогда как во 2-й и 5-й квинтили попадало порядка 1/5 домохозяйств. В 2011 г., как показывает *таблица 2*, эта категория домохозяйств представлена в 3–5-м квинтилях.

Таблица 3. Распределение домохозяйств с пенсионерами и детьми по уровню душевых доходов, в том числе посчитанных с применением шкалы эквивалентности, процент по строке

Категория респондентов	Способ расчета душевых доходов	Квильные группы по уровню личных доходов				
		1 - нижние 20%	2	3	4	5 - верхние 20%
Одиноко проживающие пенсионеры	П	1,7	12,4	29,9	28,5	27,5
	Э	17,9	28,2	23,0	19,4	11,5
Д/х пенсионеров, где число пенсионеров больше 1	П	2,7	12,2	28,3	28,9	27,9
	Э	5,7	19,7	24,9	24,3	25,3
1 пенсионер с непенсиейрами, среди которых есть дети	П	29,1	25,1	20,3	13,5	12,0
	Э	24,2	24,6	19,4	16,8	14,9
Д/х, состоящие из пенсионеров и непенсионеров, вкл. детей	П	27,0	27,0	23,1	12,8	10,1
	Э	22,3	21,1	26,7	15,4	14,5
1 пенсионер с непенсиейрами, без детей	П	12,7	18,2	20,8	24,6	23,7
	Э	17,1	18,1	19,9	23,5	21,3
Д/х, состоящие из пенсионеров и непенсионеров, без детей	П	12,1	20,5	23,0	23,2	21,3
	Э	14,0	19,3	22,2	22,0	22,4
Д/х непенсионеров с детьми	П	28,7	24,3	17,3	16,0	13,7
	Э	25,2	22,1	18,1	17,0	17,6
Одиноко проживающие непенсионеры	П	8,0	8,3	11,7	24,1	47,9
	Э	17,1	11,8	19,4	23,4	28,3
Д/х непенсионеров, без детей	П	12,5	13,0	19,3	25,5	29,8
	Э	15,7	12,9	19,1	25,0	27,3

Обозначения: П - душевые доходы рассчитаны простым делением совокупного дохода домохозяйства на число его членов; Э - душевые доходы рассчитаны с применением шкалы эквивалентности ОЭСР (веса: 1 - первый взрослый член домохозяйства; 0,5 - каждый последующий взрослый член домохозяйства 15 лет и старше; 0,3 - каждый ребенок).

Примечание. Доходы скорректированы с учетом соотношения региональных и общероссийского прожиточных минимумов.

Источник: РИДМИЖ-2011.

Сочетание выросшей пенсии и доходов от занятости в домохозяйствах пенсионеров, где кто-нибудь из них работает, приводит к потрясающим результатам: свыше половины таких домохозяйств имеют доходы на уровне верхнего 5-го квинтиля, и еще свыше трети — на уровне 4-го. При использовании шкалы эквивалентности ОЭСР эти цифры немного падают, но и тогда три из четырех «чистых» домохозяйств пенсионеров, имеющие в своем составе занятых, относятся к верхним 40% по уровню душевых эквивалентных доходов.

Уровень доходов смешанных домохозяйств пенсионеров и непенсионеров зависит от того, есть ли в них дети и работающие пенсионеры (табл. 2 и 3). При этом часто смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров без детей имеют в своем составе работающих пенсионеров, тогда как в смешанных домохозяйствах с пенсионерами и детьми работающие пенсионеры

встречаются реже. Соответственно в первом случае пенсии чаще дополняются более высокими доходами от занятости, а во втором, напротив, высока иждивенческая нагрузка. В результате доходы этих двух подгрупп внутри категории «смешанные домохозяйства с пенсионерами и другими» распределены противоположным образом. По данным *таблицы 2* свыше половины смешанных домохозяйств с неработающими пенсионерами имеет душевые доходы на уровне двух нижних квинтилей, тогда как примерно такая же доля смешанных домохозяйств с работающими пенсионерами — на уровне двух верхних. Самые низкие доходы, как следует из *таблицы 3*, наблюдаются в семьях, состоящих из одного пенсионера с непенсионерами, среди которых есть дети.

В целом благодаря значительному росту пенсий, с одной стороны, и некомпенсированным потерям работников во время кризиса, с другой, в 2011 г. «чистые» домохозяйства пенсионеров имели в среднем более высокие душевые доходы, чем все остальные категории домохозяйств⁶. Смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров по-прежнему проигрывают по уровню душевых доходов как «чистым» домохозяйствам пенсионеров, так и домохозяйствам без пенсионеров, но опять-таки благодаря повышению пенсий этот разрыв сократился. Этот вывод ранее был подтвержден нами при сравнении панельных данных 2007–2010 гг.: доходы домохозяйств, состоящих только из пенсионеров, росли наиболее быстрыми темпами [Пишняк и др., 2011: 93].

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ПЕНСИОНЕРАМИ

Каким образом выявленные различия в величине личных и душевых доходов отражаются на рисках бедности пенсионеров и их семей? Насколько бедны современные российские пенсионеры после трех лет интенсивного повышения пенсий и введения доплаты до прожиточного минимума неработающим пенсионерам? В *таблице 4* мы свели оценки 2011 г. удельного веса домохозяйств с пенсионерами, которые могут считаться бедными по трем концепциям бедности: абсолютной, субъективной и относительной.

По абсолютной концепции бедными считаются домохозяйства, чьи денежные доходы ниже величины регионального прожиточного минимума. При этом в таблице приводятся две оценки: в первой применено традиционное измерение прожиточного минимума домохозяйства на основе существующих величин прожиточного минимума для детей, трудоспособного населения

⁶ Следует отметить, что преимущественное положение «чистых» домохозяйств пенсионеров по величине душевых доходов в реальности меньше, поскольку обследования РидМиЖ, как и большинство выборочных обследований населения, недооценивает денежные доходы населения, что особенно справедливо в отношении заработной платы. При этом анализ показывает, что пенсии учитываются обследованием очень хорошо. Кроме того, в отличие от обследований, направленных на изучение бюджетов домохозяйств (ОБДХ, НОБУС, РМЭЗ), РидМиЖ не достаточно аккуратно собирает информацию по доходам домохозяйства из различных источников и не позволяет рассчитывать показатель располагаемых ресурсов.

Таблица 4. Уровни бедности среди домохозяйств с пенсионерами и детьми согласно различным подходам к измерению бедности, процент от числа домохозяйств в группе

Тип домохозяйства	Доля домохозяйств с доходами ниже ПМ ¹	Доля домохозяйств с доходами ниже ПМ (ПМП с 73 лет) ²	Субъективная бедность ³	Бедность по лишениям ⁴	Относительная бедность (доходы ниже 60% медианного) ⁵
Только пенсионеры:	2,3	4,2	29,7	22,8	11,3
1 пенсионер	1,2	3,6	35,6	34,4	23,7
д/х пенсионеров (>1)	2,9	4,5	26,7	16,9	5,0
Пенсионеры и другие:	27,2	30,3	34,9	16,1	13,2
1 пенсионер с непенсionерами, вкл. детей	37,9	40,8	39,0	16,2	13,9
д/х пенсионеров и непенсionеров, вкл. детей	31,1	34,7	36,6	15,0	15,2
1 пенсионер с непенсionерами, без детей	18,2	20,6	31,9	16,4	13,1
д/х пенсионеров и непенсionеров, без детей	14,6	18,5	29,0	16,4	9,0
Без пенсионеров:	31,1	31,1	33,0	13,2	14,7
д/х непенсionеров с детьми	38,9	38,9	36,3	13,2	15,7
1 непенсionер	11,5	11,5	25,4	18,2	18,7
д/х непенсionеров, без детей	17,7	17,7	27,1	12,3	11,8
Все домохозяйства	26,7	27,9	33,2	15,2	13,8

Примечания: серым фоном закрашены ячейки с максимальным уровнем бедности согласно используемому определению.

¹ – Для оценки уровня бедности по «абсолютной» концепции используется сравнение денежных доходов домохозяйства по данным РидМиЖ (без их дооценки по данным статистики) с прожиточным минимумом домохозяйства. При этом для расчета прожиточного минимума домохозяйства применяются стандартные возрастные границы определения детского, трудоспособного и пенсионного возраста согласно действующему законодательству.

² – Здесь уровни бедности получены относительно нового прожиточного минимума домохозяйства, в котором пониженные значения прожиточного минимума пенсионера применены для населения в возрасте экономической неактивности (старше 72 лет). Для лиц 55/60 – 72 лет применяется прожиточный минимум трудоспособного населения. Данная идея впервые была предложена И.И. Корчагиной.

³ – Бедными считаются домохозяйства, которые ответили, что совокупный доход домохозяйства позволяет им сводить концы с концами «с большим трудом» или «с трудом».

⁴ – Бедными считаются домохозяйства, указавшие 2 и более лишения.

⁵ – Используется душевой доход домохозяйства, полученный с применением шкалы эквивалентности ОЭСР и скорректированный с учетом различий в региональных прожиточных минимумах. Бедные – домохозяйства, имеющие душевой доход менее 60% от медианного по выборке. Данный порог используется при оценках бедности в ЕС.

Источник: РидМиЖ-2011.

и пенсионеров согласно установленным в законодательстве возрастным границам.

Вместе с тем, как показала И. И. Корчагина, потребление пенсионеров, особенно младших пенсионных возрастов, практически не отличается от потребления трудоспособного населения, в то время как величина ПМП

Таблица 5. Динамика уровней субъективной бедности и крайней бедности, 2003-2011 гг., процент от числа домохозяйств в группе

Тип домохозяйства	2003 г.	2004 г.		2007 г.		2010 г.		2011 г.	
	На протяжении последних 6 мес. денег хватало только на еду	Совокупный доход домохозяйства позволяет сводить концы с концами:							
		с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом	с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом	с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом	с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом
Только пенсионеры	78,7	64,5	31,0	54,1	23,7	35,9	12,6	29,7	10,5
Пенсионеры и другие	63,7	56,0	28,0	46,2	19,6	39,6	13,4	34,9	13,2
Без пенсионеров	58,0	47,4	23,5	39,9	16,9	41,5	18,2	33,0	13,1

Источники: НОБУС-2003, РидМиЖ 2004, 2007 и 2011 гг., КПДХ-2010.

значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения [Корчагина, 2006]. Поэтому одна из причин, по которой пенсионеры могут чаще ощущать себя бедными, чем это показывает статистика, может быть связана с тем, что реального сокращения потребления сразу после выхода на пенсию не происходит. Для проверки этого предположения мы применили предложенный И. И. Корчагиной подход и учитывали ПМП только для лиц старше 72 лет, тогда как для женщин 55–72 лет и мужчин 60–72 лет применялся ПМ трудоспособного населения. Эти оценки представлены в соседней колонке.

Результаты расчетов показывают, что увеличение возраста нетрудоспособности для расчета линии бедности несколько повышает уровни бедности домохозяйств с пенсионерами, но принципиально не меняет картину рисков бедности по разным типам домохозяйств. В любом случае, в 2011 г. наименьшими рисками бедности по абсолютной концепции характеризовались семьи, состоящие только из пенсионеров, а наибольшими — семьи без пенсионеров (табл. 4). При этом чаще других бедными оказывались домохозяйства непенсионеров с детьми и одного пенсионера с непенсионерами, среди которых есть дети.

Вплоть до середины 2000-х гг. исследователи фиксировали разрыв в рисках бедности, измеренной по отношению к величине прожиточного минимума, и бедности по субъективной концепции, когда люди сами оценивали достаточность своих доходов или уровень материально-имущественного положения⁷. Если по абсолютной концепции пенсионеры уступили «пальму первенства» в бедности семьям с детьми еще в начале 1990-х гг., то субъективные оценки у них всегда были намного хуже, чем у всех других категорий населения или домохозяйств. Этот факт подтверждают также наши расчеты на данных РидМиЖ и Национального обследования благосостояния домо-

⁷ См., например: *Иванова Е.И.* Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1: GP1/2003/04. Независимый институт социальной политики. М., 2003. С. 146–147.

хозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) (табл. 5). Пенсионная политика последних лет существенным образом изменила эту картину, что мы отмечали уже, в частности, в публикации 2011 г. [Пишняк и др. 2011]. По данным обследований 2010 и 2011 гг., домохозяйствам, состоящим только из пенсионеров, легче удается сводить концы с концами: среди них меньше тех, кто делает это с трудом или с большим трудом.

По данным 2011 г., уровни субъективной бедности незначительно отличаются в домохозяйствах с пенсионерами и без таковых, но ниже все-таки в «чистых» домохозяйствах пенсионеров. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что внутри домохозяйств пенсионеров хуже оценивают свое материальное положение одинокие пенсионеры. Максимальными же рисками субъективной бедности характеризуются домохозяйства из одного пенсионера с непенсионерами, среди которых есть дети (табл. 4).

Наконец, бедность по относительной концепции была измерена на основе двух подходов. Первый — ставший уже традиционным для России (впервые введенный группой исследователей под руководством М. А. Мужиной в 1997 г.⁸) — измеряет бедность на основе деприваций или лишений. В обследовании РидМиЖ представлен список из восьми позиций, позволяющий оценить ограничения в потреблении товаров первой необходимости, социальных услуг и рекреации. Для определения уровня бедности по лишениям использовались ограничения в потреблении следующих благ/услуг: (а) не реже, чем через день есть мясо, курицу или рыбу; (б) покупать новую, а не подержанную одежду; (в) платить за то, чтобы у вас дома было достаточно тепло; (г) оплачивать медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции, если это необходимо. Бедными считались домохозяйства, имеющие два и более лишения.

Следует отметить, что подход на основе деприваций — единственный из использованных нами, в котором наиболее высокими рисками бедности характеризуются домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, а наиболее низкими — домохозяйства без пенсионеров (табл. 4). При этом самые высокие показатели бедности отмечаются у одиноких пенсионеров, среди которых каждый третий сталкивается с двумя или более лишениями. Детальный анализ деприваций показал, что свыше половины (и более) одиноких пенсионеров не могут позволить себе: оплачивать медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции, если это необходимо; не реже, чем раз в месяц приглашать к себе друзей или родных на угощение, обед, ужин; заменять по мере надобности износившуюся мебель, бытовые приборы; ежегодно оплачивать недельный отпуск вне дома⁹.

Второй подход в рамках относительной концепции бедности применяется в странах ОЭСР и ЕС: бедными считаются домохозяйства, имеющие душевой эквивалентный доход на уровне ниже 60% медианного дохода в стране.

⁸ См.: Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / под ред. Т.М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.

⁹ Вопрос о возможности оплачивать образование членов семьи применительно к одиноким пенсионерам не анализировался.

В нашем случае в качестве относительной черты бедности выступал порог в 60% медианного душевого эквивалентного дохода в выборке. В результате риски бедности незначительно отличаются между тремя крупными категориями домохозяйств — состоящих только из пенсионеров, из пенсионеров и других и из непенсионеров; однако наименьшие они по-прежнему у семей пенсионеров, а наибольшие — у семей без пенсионеров. Тем не менее, стоит обратить внимание на выделяющуюся категорию одиноких пенсионеров, среди которых почти каждый четвертый (24%) имеет душевые доходы ниже 60% медианного дохода в выборке.

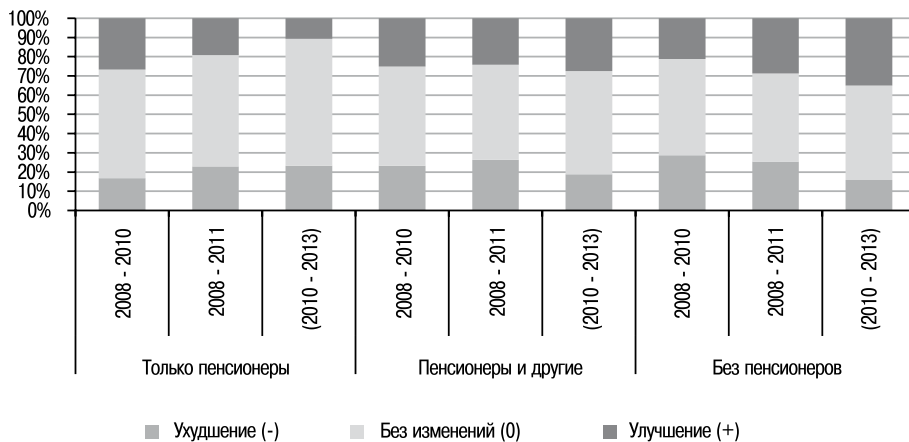
Таким образом, одинокие пенсионеры чаще других попадают в категорию бедных по относительной концепции бедности; все «чистые» домохозяйства пенсионеров — в случае применения подхода на основе деприваций. Тогда как во всех других случаях риски бедности выше для семей без пенсионеров или для смешанных домохозяйств пенсионеров и непенсионеров с детьми.

Анализ других компонент материально-имущественного положения пенсионеров дает следующие результаты. На рост пенсий и соответственно доходов пенсионеров отреагировали сбережения, уровень которых резко вырос в семьях пенсионеров за последние годы. Как показывают данные РидМиЖ, начиная с 2010 г. среди домохозяйств с пенсионерами значительно выше доля как тех, чьи текущие доходы позволяют делать сбережения, так и тех, у кого сбережения имеются. Вместе с тем в 2011 г. склонность пенсионеров к сбережениям несколько снизилась по сравнению с 2010 г.

При этом уровень имущественной обеспеченности пенсионеров, хотя и заметно вырос за прошедшие годы, продолжает оставаться более скромным, чем в семьях непенсионеров или в смешанных. Абсолютное большинство «чистых» домохозяйств пенсионеров имеют цветной телевизор, холодильник, стиральную машину и мобильные телефоны. Свыше трети (но не менее половины) — видеомэгаффон или DVD-плеер и микроволновую печь. Все остальные товары длительного пользования в домохозяйствах, состоящих только из пенсионеров, являются редкостью. Напротив, семьи пенсионеров и непенсионеров почти не отличаются по этому показателю от семей непенсионеров. Худшая имущественная обеспеченность по сравнению с другими типами домохозяйств наблюдается у одиноких пенсионеров, что, в общем, не удивительно, учитывая в среднем более высокий возраст данной категории пенсионеров.

Распределение ответов на вопрос о том, как изменилось материальное положение семьи с начала кризиса, свидетельствует о том, что положительное влияние быстрого роста пенсий в 2008–2010 гг. с точки зрения пенсионеров оказалось краткосрочным. Если в 2010 г. пенсионеры были не только единственной социальной группой, чьи доходы объективно выросли в период кризиса, но и субъективно оценивали динамику своего положения лучше других (рис. 2), то уже в 2011 г. их оценки стали намного более сдержанными. Почти каждое четвертое домохозяйство пенсионеров отметило ухудшение своего материального положения, и лишь почти каждое пятое — улучшение. Напротив, в семьях, где есть непенсионеры,

Рисунок 2. Материальное положение домохозяйств разного типа: изменения по сравнению с маем 2008 г. и ожидания (в течение ближайших 3 лет), процент домохозяйств данного типа

Примечание. Вопрос об изменении материального положения с мая 2008 г. задавался дважды – в 2010 г. (КПДХ) и в 2011 г. (РидМиЖ); вопрос о том, как, по мнению респондента, изменится материальное положение его семьи в ближайшие 3 года, задавался только в 2010 г. и соответственно относился к 2010-2013 гг.

Источники: данные РидМиЖ-2011, КПДХ-2010.

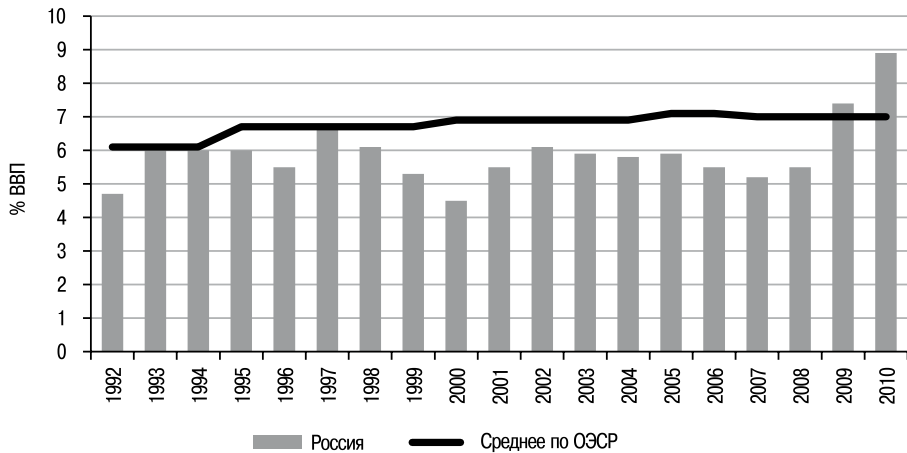
оценки динамики материального положения за весь период с начала кризиса в 2011 г. стали лучше, по сравнению с 2010 г., что может свидетельствовать о постепенном преодолении кризиса.

Эту тенденцию в определенной мере можно было предвидеть уже на основании ответов 2010 г. на вопрос о том, как, по мнению респондентов, будет меняться их материальное положение в ближайшие три года (т. е. примерно до 2013 г.). Тогда в семьях без пенсионеров наблюдался заметный оптимизм в отношении своего будущего, в то время как в «чистых» домохозяйствах пенсионеров доминировали ожидания стабильности и даже некоторого ухудшения ситуации (рис. 2).

ПОЛИТИКА НАРАЩИВАНИЯ ПЕНСИЙ: ОГРАНИЧЕНИЯ

Итак, анализ данных статистики и обследований за последние несколько лет подтвердил, что государственная политика, действительно, привела к заметному росту уровня жизни пенсионеров. Сократились риски бедности, улучшилась имущественная обеспеченность, расширились возможности для формирования сбережений. Согласно большинству подходов к определению бедности, домохозяйства пенсионеров отличаются меньшими уровнями бедности от тех, где пенсионеры живут вместе с непенсионерами, или где пенсионеров вообще нет. Даже субъективные оценки достаточности доходов у пенсионеров образца 2010–2011 гг. оказались более высокими,

Рисунок 3. Расходы на выплату пенсий, процент ВВП

Примечание. Данные по России включают расходы на выплату всех государственных пенсий. Данные по ОЭСР включают государственные расходы на выплату пенсий по старости и потере кормильца по состоянию на 1990, 1995, 2000, 2005 и 2007 гг.

Источники: сборники Росстата «Социальное положение и уровень жизни населения России» за разные годы; OECD 2009, 2011.

чем у непенсионеров, в отличие от всего периода 1990-х — первой половины 2000-х гг.

И, тем не менее, за этой внешней благостностью скрывается, по меньшей мере, две проблемы: во-первых, у государства больше нет ресурсов и дальше поддерживать заданные темпы роста пенсий; во-вторых, одним только повышением пенсий проблемы социально-экономической уязвимости пенсионеров не решить, что отчасти подтверждают данные о распространённости лишений среди домохозяйств пенсионеров.

По данным статистики, мероприятия по повышению пенсий привели к тому, что расходы на выплату пенсий по отношению к ВВП выросли в полтора раза за два года (рис. 3). Достигнутый в 2010 г. уровень пенсионных расходов почти в 9% ВВП является достаточно высоким по меркам стран ОЭСР, в том числе даже некоторых более экономически развитых, чем Россия. При этом, как справедливо указывает Е. Т. Гурвич, большинство этих расходов покрывалось за счет привлечения дополнительного бюджетного финансирования, без соответствующей оптимизации самой пенсионной системы [Гурвич, 2011].

Сравнение России с другими странами ОЭСР показывает, что относительно затрачиваемых на пенсионную систему средств размер российских пенсий продолжает оставаться весьма скромным [Гурвич, 2011]. При этом растёт дефицит пенсионной системы, несмотря на то, что тарифы страховых отчислений на пенсии по международным меркам уже весьма высоки, а их дальнейшее повышение может загнать Россию в ловушку низкой занятости, в которой находятся, например, страны Южной Европы [Эспин-Андерсен, 2006].

Основные барьеры, в которые упирается решение пенсионного вопроса, включают: (1) низкий фактический пенсионный возраст и соответственно избыточное число пенсионеров по сравнению с числом лиц пенсионного возраста; (2) ограниченный охват пенсионной системой работающего населения, а также льготы по уплате страховых взносов для отдельных категорий работодателей и самозанятого населения; (3) низкий размер заработной платы и ее высокая дифференциация. Внутри самой пенсионной системы можно и должно решать проблемы повышения фактического пенсионного возраста и отчасти расширения базы для уплаты пенсионных взносов за счет создания стимулов к формализации занятости, отказа от льгот по уплате пенсионных взносов, увеличения порога заработка, с которого уплачиваются взносы, поощрения большей продолжительности трудовой жизни. Пенсионная система также должна учитывать тенденцию к сокращению стандартной занятости, которая характерна не только для России¹⁰.

Вместе с тем часть проблем остается неподконтрольной инструментам пенсионной политики, выступая внешним ограничителем возможности повышения благосостояния пенсионеров. Речь идет прежде всего о величине и распределении заработной платы. В 2003 г., по данным НОБУС, коэффициент фондов для государственных пенсий составил 4,1 раз, а коэффициент Джини — 0,211. Коэффициент Джини, рассчитанный для трудовых пенсий, которые получают 94,7% пенсионеров, составил 0,176. По оценкам на основе РидМиЖ, неравенство в размерах пенсии в 2004–2007 гг., по меньшей мере, принципиально не изменилось. Индекс Джини был равен в 2004 г. 0,199 (что даже меньше, чем показывали данные НОБУС), а в 2007 г. — 0,219; коэффициент фондов составил 4,6 раз в 2004 г. и 6,1 раз в 2007 г. Иными словами, данные РидМиЖ фиксировали незначительное увеличение дифференциации пенсий в рассматриваемый период¹¹. Однако дифференциация заработной платы, по данным выборочных обследований организаций, публикуемых Росстатом, в тот же период была намного выше. Так, индекс Джини для заработной платы составлял в 2003 г. 0,481; в 2004 г. — 0,467, а в 2007 г. — 0,417; а коэффициент фондов, соответственно — 30,5 раз в 2003 г., 26,4 раз в 2004 г. и 22,1 раз в 2007 г. Следовательно, пенсионная система в значительной степени смягчает неравенства, возникающие на рынке труда, перераспределяя доходы от наиболее к наименее обеспеченным.

Такое перераспределение приводит к тому, что работники с низкой заработной платой (на уровне первых двух квинтилей) получают пенсию, которая практически не отличается от их трудовых доходов, тогда как в доходах относительно высокооплачиваемых работников пенсия составляет незначительную величину. В *таблице 6* представлены оценки соотношения со средней заработной платой и заработной платой по квинтилям трех показателей: средней пенсии, базовой части трудовой пенсии и социальной пенсии. Как

¹⁰ См.: Синявская О.В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 2010. №13. С.187–210. Осень–зима.

¹¹ При этом, безусловно, следует учитывать то обстоятельство, что оценки доходов на основе РидМиЖ отличаются меньшей точностью, чем по данным НОБУС.

Таблица 6. Соотношение различных видов или частей пенсии и ПМП с заработной платой, 2010 г., процент

Отношение к:	Средняя пенсия	Базовая часть трудовой пенсии	Социальная пенсия	ПМП
средней заработной плате	35,0	12,3	20,4	25,5
в том числе к заработной плате в следующих 20-процентных группах:				
первая (наименее оплачиваемые работники)	122,6	43,2	71,6	89,6
вторая	71,3	25,1	41,6	52,1
третья	48,2	17,0	28,1	35,2
четвертая	33,0	11,6	19,2	24,1
пятая (наиболее оплачиваемые работники)	14,3	5,0	8,4	10,5

Примечание. Данные заработной платы приведены по результатам выборочных обследований организаций за апрель 2010 г.; средняя пенсия – за апрель 2010 г.; базовая часть трудовой пенсии, социальная пенсия – на 1 января 2010 г.; прожиточный минимум пенсионера (ПМП) – за 1 квартал 2010 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

известно, для получения базовой части пенсии в полном объеме достаточно иметь хотя бы 5 лет страхового стажа, а для получения социальной пенсии можно не иметь его вовсе. При этом в 2010 г. одна только базовая часть пенсии (не зависящая от заработка!) достигала 43%, а социальная пенсия — 72% зарплаты первой квинтильной группы работников. Во второй квинтильной группе работников соотношение между социальной пенсией и заработками достигало 42% — также вполне достаточный коэффициент замещения для того, чтобы не создавать стимулов для длительной формальной занятости. Напротив, соотношение средней пенсии с заработками пятой квинтильной группы работников составляло в 2010 г. порядка 15%, при том, что известно, что дифференциация заработков внутри этой 20-процентной группы очень высока: и заработки верхних 10%, и особенно 5% принципиально выше, а коэффициент замещения, соответственно, еще ниже.

Что из этого следует? С точки зрения населения, это отчасти объясняет сохраняющееся недовольство пенсионеров и общества в целом уровнем жизни стариков. На одном полюсе мы имеем ситуацию накопленной бедности: низкооплачиваемые работники выходят на пенсию, которая хотя и составляет существенную долю их заработка (а подчас и весь заработок), но достаточно низка для приличного существования. Вынужденные ограничивать свое потребление и в прежние годы, на пенсии они сталкиваются с еще большим количеством ограничений. Именно для этой категории характерна плохая имущественная обеспеченность, отсутствие сбережений. Длительное выживание на грани бедности, естественно, порождает депривированность. На другом полюсе — относительно высокооплачиваемые работники, для которых выход на пенсию в неактивность означает резкое падение уровня жизни, какой бы высокой по отношению к другим пенсионерам ни была их пенсия. В любом случае, учитывая обозначенные

выше различия в дифференциации пенсий и заработной платы, жизнь на пенсии не может обеспечить им прежнего уровня потребления. При этом если западные пенсионеры активно дополняют государственную пенсию частными — от предприятия или индивидуальными и другими формами сбережений, доходами от недвижимости и пр., то число дополнительных источников доходов российских пенсионеров крайне ограничено и сводится прежде всего к заработной плате, в меньшей степени — к сбережениям, размер которых невысок, и доходам от ЛПХ, распространенным преимущественно в сельской местности. Таким образом, недовольство своим положением у обеих категорий имеет лишь отдаленное отношение к собственно ситуации в государственной пенсионной системе и в большей степени связано с особенностями функционирования рынка труда и финансовых институтов в России.

С точки зрения пенсионной системы, существование столь значительного контингента низкооплачиваемых работников при возложенном на пенсионную систему обязательстве поддерживать минимальный размер выплат пенсионерам на уровне ПМП означает неизбежность сохранения значительного элемента перераспределения. При этом, как показывает *таблица 6*, если бы в 2010 г. минимальная пенсия уже находилась на уровне ПМП, нижние по величине заработной платы 20% работников получали бы пенсию на уровне 90% их зарплаты. Для второго квинтиля коэффициент замещения зарплаты минимальной пенсией составлял бы 52%. Таким образом, пенсионная система выступает своего рода заложницей особенностей российской модели рынка труда. Внутри пенсионной системы в ответ на это можно лишь предложить разграничить по источникам финансирования компоненты, ставящие целью перераспределение и борьбу с бедностью, с одной стороны (базовую часть пенсии), и ответственные за возмещение утраченного заработка, с другой (страховая и накопительная части пенсии). В первом случае речь может идти о неких минимальных гарантиях государства всему населению в старости, обеспечиваемых за счет общих налогов. Во втором — о пенсии, жестко привязанной к объему уплаченных страховых взносов, взимаемых с заработной платы.

Наконец, возвращаясь к вопросу о том, каковы причины устойчивости общественного образа нищей старости в России, следует сказать о том, что для его изменения недостаточно усилий внутри пенсионной системы. Как показал представленный выше анализ, несмотря на небывалый за последние годы рост пенсий и общее улучшение материально-имущественной обеспеченности пенсионеров, они продолжают лидировать по числу деприваций в потреблении базовых благ, услуг и поддержании социального статуса (не имея возможности, например, отдохнуть где-либо кроме как на даче, или приглашать время от времени в гости родственников и друзей). Кроме того, за рамками анализа остались ограничения, с которыми сталкиваются пенсионеры в получении регулярной медицинской помощи и социальных услуг. А также крайне скуден набор возможностей для проведения досуга в старости. Преодолеть эти ограничения только инструментами пенсионной

системы нельзя, да и не нужно. Вместо этого государство должно более активно расширять доступность медицинских и социальных услуг приемлемого качества для пожилых.

И последнее. Обеспеченные старики в странах Западной Европы и США, чей образ вызывает у нас столько зависти, появились в результате нескольких десятилетий бурного экономического роста — «славного» послевоенного тридцатилетия. Это поколение, чья трудовая жизнь пришлось на период массовой занятости и быстрого роста зарплат, который — в сочетании с экономической стабильностью — позволил им не только сформировать значительные пенсионные права, но и накопить немалые сбережения. В стране, пережившей смену экономической модели развития, периоды высокой инфляции и финансовых потрясений, рассчитывать на сытую старость крайне сложно. Уже сейчас выполнение долга перед стариками конкурирует за государственные финансы с необходимостью поддерживать семьи с детьми и наращивать инвестиции в образование. В условиях старения населения эта конкуренция за государственные деньги будет только усиливаться. Поэтому как бы ни хотелось нам приблизиться к заветной мечте о западной модели старости, следует признать, что бежать впереди телеги невозможно: и до тех пор, пока на пенсию не начнут выходить люди, большая часть жизни которых прошла в условиях стабильного экономического роста, старость в России не будет по-настоящему сытой.

ЛИТЕРАТУРА

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / Под ред. Т. М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.

Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // SPERO. 2007. № 7. Осень-зима. С. 125–148.

Гурвич Е. Т. Пенсионная реформа: общие принципы и необходимые меры / Экономическая экспертная группа, февраль 2011. «Стратегия-202» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2020strategy.ru/g3/documents/32580984.html>, свободный.

Денисенко М. Б. Благосостояние и внутрисемейные трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: вторые Валентеевские чтения: в 2 кн., кн. 1: М., 1999. С. 150–161.

Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. М., 2001.

Иванова Е. И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1: GP1/2003/04. Независимый институт социальной политики. М., 2003. С. 135–164.

Корчагина И. И. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. Финальный отчет по гранту НИСП. 2006 г. // Сайт Независимого института социальной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/grantprog/reports.shtml#r>, свободный.

Пишняк А. И., Тындик А. О., Синявская О. В. Выигравшие и проигравшие от кризиса // SPERO. № 15. 2011. Осень-зима. С. 67–104.

Синявская О. В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO. 2006. № 4. Весна-лето. С. 66–90.

Синявская О. В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 2010. № 13. Осень-зима. С. 187–210.

Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006. № 5. Осень-зима. С. 7–32.

OECD (2009), Pensions at a Glance 2009: Retirement-Income Systems in OECD Countries [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oecd.org/document/13/0,3746,en_2649_34757_47305613_1_1_1_1,00.html, свободный.

OECD (2011), Pensions at a Glance 2011: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.oecd.org/els/social/pensions/PAG, свободный.